

А. Н. Власов
(Санкт-Петербург)

A. N. Vlasov
(Saint Petersburg)

**Природа эстетического
в фольклоре и смена
научных парадигм
в фольклористике**

**The nature of the aesthetic
in folklore and change
of scientific paradigms
in Russian folklore studies**

Аннотация

В статье представлены некоторые предварительные наблюдения в процессе осмысления современного состояния фольклористической науки. В ней содержится краткий обзор работ, в которых отразился период смены научных парадигм в российской фольклористике за более чем столетний период. Большое внимание уделено критическому анализу книги В. Е. Гусева «Эстетика фольклора» (1967). Автор полагает, что в смене научных направлений и школ второй половины XIX — начала XXI в. заключены основные ценностные ориентиры научной мысли, отвечающие дискурсивным практикам своего времени. Те или иные методологические подходы в науке соответствовали сменяющимся стилевым доминантам общественной, культурной и художественной жизни эпохи («русский модерн», «советский авангард», «поставангард», «постмодерн»).

Ключевые слова: фольклористика, антропология, стиль эпохи, «русский модерн», «советский авангард», «поставангард», «постмодерн»

Abstract

The article presents some preliminary observations in the process of understanding the current state of folklore studies. It contains a brief overview of the works that reflect the period of the change of scientific paradigms in Russian folklore for more than a century. Much attention is paid to a critical analysis of the book by Viktor Gusev “Aesthetics of Folklore” (1967). The author supposes that the change of scientific directions and schools of the second half of the 19th–beginning of the 21st century contains main value orientations of scientific thought, corresponding to the discursive practices of the time. One or the other methodological approach in the science matches to the changing style dominants of the social, cultural and esthetic life of the epoch (“Russian modern”, “Soviet avant-garde”, “post-avant-garde”, “postmodern”).

Keywords: folklore, anthropology, style of epoch, “Russian modern”, “Soviet avant-garde”, “post-avant-garde”, “postmodern”

После выхода из печати книги В. Е. Гусева «Эстетика фольклора» (1967)¹ художественная природа фольклора потеряла свою актуальность в литературоведческой фольклористике.

¹ Гусев В. Е. Эстетика фольклора. М., 1967.

В. Е. Гусев начинает исследование с обозначения своего представления о предмете изучения — вопрос традиционный с периода становления фольклористики как научной дисциплины.

Составными художественными элементами фольклора В. Е. Гусев считал словесный, музыкальный, хореографический, драматический и т. п. (определяя его как комплекс словесно-музыкально-драматических и танцевальных текстов), которые рассматривались в их целостности и совокупности с другими элементами художественного творчества. Он полагал, что изучение эстетической природы фольклора имеет свою длительную содержательную историю².

Однако выявление эстетической природы фольклора (шире, традиционной культуры) становится одним из дискурсивных методологических принципов ее познания, особенно характерных для представителей русской творческой интеллигенции (художников, музыкантов, писателей). Соответственно, для научного сообщества эта общекультурная парадигма в конце XIX — начале XX в. также явилась основным критерием в определении ценности памятников народной культуры.

Формирующаяся новая научная дисциплина (фольклористика) во второй половине XIX в., представленная мифологической (Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев, О. Ф. Миллер), исторической (Л. Н. Майков, В. Ф. Миллер, А. Д. Григорьев, А. В. Марков и др.), миграционной (заимствования) (А. Н. Пыпин, В. В. Стасов) школами, исторической поэтикой (сочетание генетического с эволюционно-конвергентным — А. Н. Веселовский), теоретической поэтикой (искусство как особый способ познания мира) А. А. Потебни, а также западноевропейскими антропологическими теориями (Э. Б. Тейлор, Д. Д. Фрэйзер, Л. Леви-Брюль и др.), представляла собой, как видим, достаточно пеструю, мозаичную картину.

На ее фоне складывается новая научная парадигма, отвечающая устремлениям русского модернизма, точнее «национально-романтического направления русского модернизма»³. Косвенно это подтверждают исследования по истории русской фольклористики начала XX в., в которых подчеркивается идея множественности и разнообразия в фольклористике той эпохи и на организационном уровне: существовало несколько учреждений: ОРЯС (Отделение русского языка и словесности Академии наук), РГО (Русское географическое общество) с его Песенной (1885 г.) и Сказочной (1896 г.) комиссиями, ОЛЕАиЭ (Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии) с Музыкально-этнографической комиссией (1901 г.) и Комиссией по народной словесности (1911 г.), МАО (Московское археологическое общество), Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Историческое общество Нестора летописца в Киеве, Уральское общество любителей естествознания,

² Гусев В. Е. Эстетика фольклора. М., 1967. С. 5.

³ Сарабьянов Д. Стиль модерн. Истоки. История. Проблемы. М.: Искусство, 1989.

Архангельское общество изучения Русского Севера, Этнографическое бюро князя В. Н. Тенишева и др.

Как считает Т. Г. Иванова, «единого центра по исследованию фольклора в России в интересующий нас период не существовало, но мы данный факт отнюдь не склонны рассматривать как негативное явление. На наш взгляд, подобное положение — это вовсе не недостаток или порок науки рубежа столетий. Децентрализация фольклорного дела, несомненно, имела свои преимущества. Многочисленные научные учреждения прекрасно сосуществовали в одном фольклористическом пространстве, не подменяя друг друга, не дублируя свои цели и задачи, но, напротив, дополняя одно другое, объединяя вокруг себя не только академических и университетских профессионалов, но и, самое главное, провинциальных любителей „живой старины“»⁴.

Увеличилась интенсивность экспедиционной деятельности фольклористов, вошли в моду этнографические концерты народных исполнителей на столичных и городских сценах, в собирательскую практику включились представители искусства, педагоги (О. Э. Озаровская, Е. Э. Линева, М. Е. Пятницкий и др.) и любители (Н. Е. Ончуков), что способствовало смене художественных вкусов и повышению интереса русского общества к крестьянской жизни, деревенскому быту и открытию новых имен талантливых народных исполнителей — это задачи, которые ставили перед собой участники «Мамонтовского кружка» и графиня М. К. Тенишева⁵ с созданными ею образовательными и просветительскими учреждениями.

Поиск «эстетического начала» в явлениях и предметах народной (крестьянской) культуры в какой-то мере снижал прямое давление идеологии на умонастроение и мировоззрение творческого сообщества российского социума. Тем не менее влияние «перемен» в социокультурной ситуации существенно отразилось на возникновении новых направлений и стилей в искусстве и общественной жизни, включая гуманитарную науку, в частности — фольклористику. Историзм как событийность в известных теоретических трудах по народной культуре, зародившийся в недрах русской исторической школы В. Ф. Миллера и его учеников, стал в научных концепциях 20–50-х гг. XX в. одной из основных парадигм фольклористических исследований.

Прежде всего это влияние проявилось в авангардистских течениях в русском искусстве и особенно в так называемом советском авангарде, вплоть до официального признания его постулатов в научном осмыслении народной культуры. Отсюда и главный вопрос: что должна изучать фольклористика, или где проходят границы предметного поля фольклористических исследований? Странно, но при

⁴ Иванова Т. Г. Фольклористика в биографических очерках. СПб., 1993. С. 7.

⁵ В статье пока не рассматривается специально предыдущий период в становлении науки и деятельность известных собирателей фольклора В. И. Даля, П. И. Якушкина, П. В. Шейна, Л. Н. Майкова и др.

эволюционистско-позитивистских подходах академической науки этот вопрос так остро не стоял.

С первыми своего рода манифестами выступили Ю. М. Соколов, М. К. Азадовский, В. М. Жирмунский в 20–30-е гг. XX в.⁶

Дискуссия несколько затянулась вплоть до настоящего времени, обретая новые повороты в решении вопроса.

По мнению В. Е. Гусева, «разногласия в понимании термина проявились после дискуссии в 1931 г. и после в Институте речевой культуры в Ленинграде — В. М. Жирмунский, О. М. Фрейденберг и др. — как „пережитка“, как суммы религиозных явлений в области культуры и отрицали существенные различия между фольклором и предметом этнографии. Ю. М. Соколов, А. П. Андреев и М. К. Азадовский пришли к отождествлению фольклора и литературы и превратили фольклористику в литературоведческую дисциплину»⁷. При этом Ю. М. Соколов считал, что специфика фольклора фиктивна и понятие о фольклоре как о народном творчестве связано с ложными для фольклористики того времени теоретическими взглядами⁸.

Необходимо подчеркнуть, что кардинальным и, можно сказать, «революционным» в решении этого спора оказался труд Б. Н. Путилова «Фольклор и народная культура» (2003). Условно обозначу такой методологический подход, основанный на общей базе зарубежной и отечественной науки о фольклоре с периода ее основания, как «критический».

Уместно также заметить, что Б. Н. Путилов в разделе «К спорам о границах предмета» названной книги достаточно четко обрисовал ситуацию в отечественной фольклористике в 1920-е гг. и 1930–1940-е, а именно то, насколько резко изменилось понимание фольклора и задач фольклористики под идеологическим давлением, поэтому нельзя однозначно характеризовать взгляды Ю. М. Соколова и других исследователей 1926 и 1931, а тем более 1941 г. — что далеко не одно и то же⁹.

В. Я. Пропп в этом процессе остался за пределами известных научных практик того времени, выступив в качестве последователя «формализма» и одного из родоначальников структурализма («Морфология сказки», 1928 г.).

В начале официального признания «советского авангардизма» позиция Ю. М. Соколова и М. К. Азадовского была выражена следующим образом: «Фольклор — одна из важнейших областей поэтического творчества, а фолькло-

⁶ Соколов Ю. М. Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор. 1926. Вып. 1. С. 5–29; Азадовский М. К. Советская фольклористика за 20 лет // Советский фольклор: сб. ст. и материалов. 1939. № 4, 6. С. 3–51; Андреев Н. П. Великая Октябрьская социалистическая революция и народное творчество // Советский фольклор: сб. ст. и материалов / отв. ред. М. К. Азадовский. М.; Л., 1939. № 6. С. 52–69.

⁷ Гусев В. Е. Эстетика фольклора. С. 60–61.

⁸ Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941.

⁹ Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 2003. С. 18–21.

ристика — одна из важнейших частей марксистско-ленинского литературоведения»¹⁰.

Позиция В. Е. Гусева была более сдержанной, в отличие от старшего поколения исследователей, о чем говорит признание им синкретичности природы фольклора, его тесной связи с этнографией, музыкологией, театральным искусством. И все же в соответствии с идеологией эпохи он разрабатывал понятие идейности фольклора.

Некоторые идеи В. Е. Гусева, которые касаются идейного, мировоззренческого содержания, следует признать откровенно неприемлемыми в современной фольклористике и воспринимаемыми как научный анахронизм. Например: «Народность фольклора — это историческая идейно-эстетическая категория, выражающая существенные прогрессивные интересы народных масс в определенную эпоху». Или: «Идейность — основной, но не единственный критерий народности фольклорного произведения»¹¹. Кроме того, автором иногда откровенно используются отсылки конъюнктурного характера к трудам отечественных фольклористов: «Для современной марксистской фольклористики характерны искания целостной синтетической системы, которая бы противопоставила буржуазной науке объективные критерии классификации эпического творчества и принцип историзма. Одним из оригинальных творческих опытов в этом направлении являются специальные исследования Е. М. Мелетинского, в частности его обобщающая работа „О генезисе и пути дифференциации эпических жанров“»¹².

Вместе с тем следует признать те положения Гусева, которые звучат современно и адекватно развитию науки и в наши дни. Например: «*Национальная специфика фольклора* (выделено мной. — А. В.) не есть некая его национальная „самобытность“. Автогенного, спонтанно развивающегося фольклора вообще не существует, поскольку каждый народ в своем историческом развитии формировался в процессе разнообразных этнических смешений и скрещений, а также вступая в определенные взаимоотношения с другими народами. Национальная специфика — это фикция; она является результатом длительного исторического процесса»¹³.

Среди апологетов советской фольклористики следует назвать также В. П. Аникина, статья которого с характерным названием «О предмете фольклористики» вышла в 2005 г., и ее можно воспринимать как теоретический анахронизм 20–50-х гг. XX в.¹⁴ Статья, к сожалению, не носит конструктивного

¹⁰ Соколов Ю. М. Значение фольклора и фольклористики в реконструируемый период // Литература и марксизм, 1931. Кн. 5. С. 92–98.

¹¹ Гусев В. Е. Эстетика фольклора. С. 45, 49.

¹² Там же. С. 112.

¹³ Там же. С. 52–53.

¹⁴ Аникин В. П. О предмете фольклористики // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сб. докладов. Т. 1. М., 2005. С. 58–71; см. также: Аникин В. П. Филологическая фольклористика // Традиционная культура. 2005. № 1. С. 3–13.

характера, отстаивая затянувшуюся почти на век полемику относительно принятого постулата «фольклор как искусство слова» — на самом деле представляющего собой не более чем метафору. В. П. Аникин породил это направление и являлся в более позднее советское и постсоветское время главой научной школы МГУ.

Вызвавшая раздражение формула «фольклор как искусство слова» (Ю. М. Соколов) завершила период научного авангардизма, сформулированного под влиянием идеологом марксистско-ленинской эстетики советской эпохи¹⁵.

Вместе с тем попытки продолжить дискуссию о специфике фольклора встречаются в работах С. Н. Азбелева, который считал, что «основа специфики фольклора среди других видов искусств» заключается в том, что бытие фольклорных произведений содержится исключительно в памяти и переводит фундаментальную для марксистско-ленинской эстетики идею отражения действительности в художественных произведениях, поставленную еще в позитивистской науке А. Н. Веселовским в работе «Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля»¹⁶, в плоскость исторически-событийного отражения реальности в фольклоре¹⁷. Поэтому данная тенденция в российской фольклористике вряд ли могла существенно повлиять на смену научных парадигм, хотя с ней связаны труды таких выдающихся ученых, как «Исторические корни волшебной сказки» В. Я. Проппа (1946), его же «Специфика фольклора» (1946) и др., Ю. И. Юдина «Об эстетической природе русского народно-поэтического творчества в связи с вопросами изучения народной прозы»; «От формулы к историческому смыслу и поэтическому содержанию»¹⁸. Существенно корректируют сложившееся направление в российской науке работы К. В. Чистова «Народные традиции и фольклор. Очерки теории» (1986) и Б. Н. Путилова «Фольклор и народная культура» (2003), которые относятся уже к «критическому» периоду в развитии отечественной науки. Все же эти исследования оставались в рамках научной парадигмы, навязанной советской фольклористикой.

Можно говорить о том, что «историзм», усвоенный от советской науки, в исследовательских практиках предметного поля фольклористики стал основанием так называемой «русской антропологии», позиционирующей себя как постмодернизм в науке.

В равной степени неконструктивными следует признать попытки «реформаторов», по выражению В. П. Аникина, объявивших войну «призраку оперы».

¹⁵ Боров Ю. Эстетика. М., 1981.

¹⁶ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 446–492.

¹⁷ Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. С. 19–23.

¹⁸ Юдин Ю. И. Об эстетической природе русского народнопоэтического творчества в связи с вопросами изучения народной прозы; От формулы к историческому смыслу и поэтическому содержанию // Юдин Ю. И. Дурак, шут, вор и черт (Исторические корни бытовой сказки). М., 2006. С. 275–281, 298–306.

Поэтому не более как риторическую фигуру можно воспринимать и выражение «фольклористика как наука»¹⁹.

Единственной, пожалуй, постмодернистской парадигмой, пришедшей на смену советскому авангардизму, надо признать некоторые замечания И. П. Смирнова, в которых ставятся под вопрос устоявшиеся категории и дефиниции филологической науки о фольклоре. Приведем одно из таких положений, разрушающих устойчивую формулу «фольклор как творчество народа»: «В той мере, в какой народ вбирает в себя лиц, которые были бы творчески полноценными в какую-то минувшую эпоху, он ориентируется на прошлое — бытовое, речевое, техническое, вероисповедальное, художественное, возобновляя его, имитируя культуру, переставшую быть современной. Глубоко содержательно замечание Платона о том, что народ отдает эстетическое предпочтение имитации. Она лежит в основе фольклора, чья суть — в запоминании и устном воспроизведении текста, в неподверженности словесного искусства забыванию, отчуждению от носителя эстетического сознания (без чего не создаются тексты действительно новые), и сведении роли, которой располагает владелец слова, к исполнительской, в ограничении авторской оригинальности варьированием известного. Если в фольклорном творчестве и возникает новое содержание, то все же при этом удерживается унаследованная из прошлого форма»²⁰.

В. Е. Гусев создал свой основной труд по эстетике фольклора, правда, уже на закате эпохи советской фольклористики — в 1967 г., его книга явилась своеобразным методологическим руководством для фольклористов-филологов. Он считает главным признаком не особенности поэтики текстов той или иной жанровой области, а эстетические особенности, отражающие отношение их содержания к действительности, тем самым приближаясь к собственно антропологическому взгляду на фольклор, но оставаясь все-таки на литературоведческих позициях.

Однако эволюционистские тенденции и нарочитое подчеркивание принадлежности к марксистско-ленинской методологической базе помешали автору монографии «пересечь» границы условности советской науки. В связи с этим труд В. Е. Гусева вызвал неоднозначную оценку специалистов.

Рассуждения Гусева относительно эстетической категории «коллективности» народного творчества явно не выдерживают никакой критики. Путанность мысли автора не приводит к разъяснению концептуальных теорий «буржуазной» науки о психологии творчества.

К этому направлению близка школа Л. С. Выготского по социально-историческим исследованиям в психологии. Разработки в области этнической и кросс-

¹⁹ Панченко А. А. Фольклористика как наука // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов. Т. 1. М., 2005. С. 75–92.

²⁰ Смирнов И. П. Бытие и творчество: приложение к альманаху «Канун». Вып. 1. СПб., 1996. С. 111–112.

культурной психологии нашли отражение в отечественных исследованиях, в том числе и в литературоведении²¹.

Полагаю, выделение родовых и видовых характеристик жанров фольклора не составляет серьезной теоретической проблемы. Тем не менее мы можем наблюдать сегодня, как со ссылками на авторитет западноевропейской и американской научной мысли срочно меняется понятийный аппарат языка российской фольклористики, ее научные интенции в истории осмысления фольклорного материала.

Обратим внимание на некоторые из пропагандируемых положений современной науки: «Фольклор не следует рассматривать как систему жанров. Хотя некоторые виды текстов, традиционно относимых к фольклору, можно считать жанрами или жанровыми образованиями, к значительному числу форм массовой словесности традиционное для литературоведения жанровое деление неприменимо. Конечно, *мы вправе применять к фольклорным текстам лингвистические теории речевых жанров, однако такой подход лишает понятие „фольклор“ феноменологической специфики*» (выделено мной. — А. В.); или: «Исследование поэтики фольклора в категориях литературоведческой эстетики Нового времени не имеет эвристического смысла. Изучение литературной рецепции и репрезентации крестьянской культуры интересно и небесполезно, однако оно не способствует пониманию самой этой культуры. *Анализ поэтической и эстетической специфики массовой словесности требует ориентации на концепцию рецептивной эстетики, исследования в области когнитивной антропологии и лингвистики, этнографии речи*» (выделено мной — А. В.). Кроме того, в подобных разысканиях необходимо учитывать невербальную составляющую экспрессивных форм массовой культуры»²².

Отрицая (точнее, недооценивая) результаты исследований в истории гуманитарной науки, а главное — фактический материал, который содержится в публикациях, современные российские антропологи не просто выступают в качестве анархистов (это мы уже проходили!) от науки, но и представителями одного из направлений русского (советского) авангарда, который зародился еще столетие назад в мировой культуре и искусстве. При этом не уделяется должное внимание другим исследовательским направлениям — например, «эго-психологии», в которой разрабатывается проблематика, связанная с вопросами социализации и идентичности, в том же ряду следует назвать и лингвистический психоанализ, объектом которого являются структуры языка как отражение личностной структуры. Среди этих направлений концепция «интенционального культурного мира» занимает особое место, так как основной ее идеей является взаимообратимость личности и традиции, когда они постоянно конструируют друг друга. Именно

²¹ Баронова А. О., Павленко В. Н. Этническая психология. СПб., 1994; Введение в этническую психологию / под ред. Ю. П. Платонова. СПб., 1995 и др.

²² Панченко А. А. Фольклористика как наука. С. 90.

в рамках этой концепции важно выделить понятие саморефлективного диалога личности и культуры как когнитивного действия.

Отметим, что, к глубокому сожалению, среди антропологических теорий не нашлось достойного места активно развивающейся научной дисциплине — этномузыкологии (музыкальной фольклористике)²³.

Вернемся к книге В. Е. Гусева, в конце которой исследователь задает вопрос: «Правомерно ли говорить о фольклоре как особой сфере проявления эстетического отношения к действительности? Не противоречит ли это признанному в марксистско-ленинской эстетике положению о всеобщности эстетических категорий не только для разных видов искусства, но и для разных форм творческой деятельности человека?»²⁴

Вопрос, увы, остается риторическим. Но возникает другой вопрос. В контексте каких предшествующих явлений в истории культуры могли сформироваться подобные концепции, которые были поддержаны идеологически?

Под этим идеологическим прессингом вольно или невольно оказался и тонкий знаток народной культуры Виктор Евгеньевич Гусев²⁵, а его теоретический труд занимает достойное место в анналах истории фольклористики.

Литература

- Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.
- Азадовский М. К.* Советская фольклористика за 20 лет // Советский фольклор: сб. ст. и материалов. 1939. № 4, 6.
- Аникин В. П.* О предмете фольклористики // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов. Т. 1. М.: ГРЦРФ, 2005. С. 58–71.
- Аникин В. П.* Филологическая фольклористика // Традиционная культура. 2005. № 1. С. 3–13.
- Бароноева А. О., Павленко В. Н.* Этническая психология. СПб., 1994.
- Борев Ю.* Эстетика. М., 1981.
- Введение в этническую психологию / под ред. Ю. П. Платонова. СПб., 1995.
- Веселовский А. Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 101–154.
- Гусев В. Е.* Проблемы фольклора в истории эстетики. М.; Л., 1963.
- Гусев В. Е.* Эстетика фольклора. М.; Л. 1967.

²³ *Дорохова Е. А.* Этнокультурные «острова»: пути музыкальной эволюции. Песенный фольклор русских сел Курского Посемья и Слободской Украины. СПб., 2013. С. 21–27.

²⁴ *Гусев В. Е.* Эстетика фольклора. С. 266.

²⁵ *Гусев В. Е.* Фольклор как элемент культуры // Искусство в системе культуры: сб. статей. Л.: Наука, 1987. С. 36–41.

- Гусев В. Е. Фольклор как элемент культуры // Искусство в системе культуры: сб. статей. Л.: Наука, 1987. С. 36–41.
- Дорохова Е. А. Этнокультурные «острова»: пути музыкальной эволюции. Песенный фольклор русских сел Курского Посемья и Слободской Украины. СПб., 2013.
- Жирмунский В. М. Проблемы фольклора // Сергею Федоровичу Ольденбургу: К пятидесятилетию научно-общественной деятельности, 1882–1932: сб. ст. Л., 1934 (2-е изд.: Жирмунский В. М. Фольклор Запада и Востока. Сравнительно-исторические очерки / сост. Б. С. Долгин, С. Ю. Неклюдов. М., 2004. С. 40–57 и др.)
- Иванова Т. Г. Фольклористика в биографических очерках. СПб., 1993.
- Каргин А. С., Неклюдов С. Ю. Фольклор и фольклористика третьего тысячелетия // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов. Т. 1. М., 2005. С. 14–28.
- Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
- Панченко А. А. Фольклористика как наука // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов. М.: ГРЦРФ, 2005. Т. 1. С. 72–95.
- Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М., 1990.
- Пропт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946 (2-е изд.: Л., 1986).
- Пропт В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи / сост., ред., предисл. Б. Н. Путилова. М., 1976.
- Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 2003.
- Сарабьянов Д. Стиль модерн. М.: Искусство, 1989.
- Смирнов И. П. Бытие и творчество: приложение к альманаху «Канун». Вып. 1. СПб., 1996.
- Соколов Ю. М. Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор. 1926. Вып. 1. С. 5–29.
- Соколов Ю. М. Значение фольклора и фольклористики в реконструируемый период // Литература и марксизм. 1931. Кн. 5. С. 92–98.
- Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941.
- Турчин В. Социальные и эстетические противоречия стиля модерн // Вестник МГУ. 1977. № 6. С. 75–80.
- Тейлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989.
- Фрэйзер Дж. Золотая ветвь. М., 1986.
- Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л., 1986.
- Юдин Ю. И. Об эстетической природе русского народнопоэтического творчества в связи с вопросами изучения народной прозы; От формулы к историческому смыслу и поэтическому содержанию // Юдин Ю. И. Дурак, шут, вор и черт (Исторические корни бытовой сказки). М., 2006. С. 275–281, 298–306.